

Он поднял голову и посмотрел на возвышающегося перед ним мужчину. Не сомневаясь, какая участь постигнет его, скажи он хоть слово не по вкусу собеседнику, он мог лишь проглотить подступающую во рту кровь и притвориться искренним:

— Давай сойдемся снова.

Се Юань замер на несколько секунд, словно не ожидая услышать такое. В памяти еще были свежи те жестокие слова и беспощадность, с какими Чжоу Тянье порвал их отношения, и от этого ему даже стало немного не по себе.

— Я не могу тебя отпустить.

Чжоу Тянье впервые в жизни понял, что у него неплохие актерские способности: даже будучи с ног до головы покрытым ранами, он умел изливать сплошную сладость и нежность:

— Я не могу жить без тебя, А-Юань, я был неправ, я так сильно по тебе скучал...

Слушая доносящееся из трубки признание, полное сдавленных слез, Се Юань перевел взгляд на лежащую на столе раскрытую папку. Облаченный в белую рубашку Цзян Чжоу казался чистым до последней пылинки. Всё это — досье на Цзян Чжоу — он добыл через людей и весь день, получив сегодня щелчок по носу, изучал его.

Цзян Чжоу...

— Се Юань, неужели ты уже полюбил кого-то другого?..

Эти слова Чжоу Тянье проскользнули в уши и взорвались в самом сердце. Се Юань, словно коснувшись чего-то самого сокровенного на дне души, резко захлопнул папку.

Нет, никого другого нет. Я люблю только тебя и всегда любил.

Дрожащими руками Се Юань запер папку глубоко в ящике стола, будто избавляясь от какой-то грязной мерзости, на которую противно смотреть.

Се Юань прикрыл глаза и произнес в трубку:

— Хорошо, я согласен.

Бесконечные повторения Чжоу Тянье оборвались на полуслове. Он приоткрыл рот, и его первой реакцией было в тревожном испуге поднять голову на стоящего перед ним мужчину.

Е Цзинли насмешливо изогнул губы, призывая знаком сбросить вызов.

Реакция Се Юаня была вполне предсказуемой: в какие бы времена ни жили люди, его сокровенной одержимостью оставался лишь один Чжоу Тянье.

В конце концов они действительно снова сойдутся.

Но теперь это искусственно подстегнутое чувство уже никогда не принесет тех прежних сладких плодов.

Чжоу Тянье еще не наигрался, а раны в сердце Се Юаня не затянулись — их преждевременное воссоединение принесет лишь взаимные муки.

Взаимные муки...

Е Цзинли резко вцепился в воротник Чжоу Тянье и прошептал ему на ухо леденящую душу угрозу:

— Посмеешь расстаться — прикончу!

Син Ебай остановил машину, и его пальцы на мгновение замерли, коснувшись кошелька.

Выражение его лица стало странным, а складка между бровей углубилась еще сильнее.

Он взял кошелек: лежавший в самом низу паспорт бесследно исчез.

Помедлив пару секунд, Син Ебай достал телефон и набрал незнакомый номер.

— Отставить. Нас раскрыли.

Все люди, с которыми он контактировал сегодня, промелькнули перед глазами словно в тумане. Син Ебай уставился на кошелек в своей руке, и картинка в голове постепенно обрела четкие очертания.

Цзян... Чжоу?

Глава двадцать пятая. Какая парочка: подонок и шлюха (часть третья)

Чжоу Тянье сжался в темноте, а волны разрывающей тело боли накатывали одна за другой, заставляя его виски непрерывно пульсировать против воли.

В темном глухом переулке царила мертвая тишина, и слышны были лишь его собственный учащенный пульс да тяжелое хриплое дыхание. Он прождал довольно долго и, убедившись, что недавний странный мучитель не собирается возвращаться, наконец позволил себе вырваться наружу едва уловимому, изломанному стону.

Впервые за свои двадцать с лишним лет он дошел до столь жалкого и плачевного состояния. Чжоу Тянье раскинул конечности на земле, лицо его было темнее тучи, а на дне глаз бурлили стыд и ярость.

— Хани? — раздался полный хмельной истомы осторожный голос.

Чжоу Тянье прислушался, прежде чем сообразить, кому он принадлежит, с трудом повернул шею и поднял взгляд к выходу из переуллка.

Луч фонарика на смартфоне полоснул по мрачной тени переуллка, в тусклом свете кое-как вырисовывался жалкий вид Чжоу Тянье. Парень-метил вскрикнул, остатки хмеля мгновенно улетучились, и он бросился вперед, едва не кубарем катясь по земле.

Он только недавно стал содержанкой Чжоу Тянье и с таким трудом уговорил своего спонсора выйти поразвлечься, как вдруг угодил в такую историю. Сейчас в его душе царили полная растерянность и паника.

Перехватив руку парня, которая уже тянулась за телефоном вызвать скорую, Чжоу Тянье сверкнул свирепым взглядом и сквозь зубы процедил:

— Помоги мне добраться до виллы. Никому ни слова.

Та леденящая душу, пропитанная жаждой убийства угроза все еще звучала в ушах. Пока он не выяснит от Се Юаня истинное происхождение того человека, поднимать шум не стоило.

Сняв защитную маску, он с безмятежным выражением лица небрежно бросил ее в урну.

Внешне он оставался невозмутим, но тяжесть на душе от увиденной судьбы Цзян Чжоу наконец рассеялась, и Е Цзинли почувствовал себя на редкость бодрым и свежим после всех физических нагрузок.

Прохладный ночной ветерок овеял его лицо, Е Цзинли глубоко вдохнул, и грудь наполнилась прохладой.

Склеивание разбитого зеркала неизбежно оставляет уродливые шрамы, не говоря уже о том, что противоречия между Чжоу Тянье и Се Юанем так и не были разрешены до конца.

Если бы всё шло по естественному сценарию этого мира, время заставило бы их недомолвки и обиды постепенно раствориться и позабыться. Подстегиваемые ревностью и тайными изменами, Чжоу Тянье вновь осознал бы достоинства Се Юаня, а Се Юань — забыл бы прошлое, полное боли...

Но теперь?

Лишенные заботливой опеки Цзян Чжоу и подпитки искренней, беззаветной любви, Се Юань останется тем же истеричным, погружающимся в безумие Се Юанем.

Что же до Чжоу Тянье...

Вспомнив о Се Юане после сегодняшней ночи, что он почувствует в первую очередь: любовь или пропитанную угрозой расправы злобу?

Словно вообразив какую-то очень забавную картину, Е Цзинли усмехнулся и длинными шагами направился на другую сторону улицы.

Стояла глубокая ночь, но на улице баров по-прежнему крутилось немало такси. Е Цзинли не прождал и нескольких минут, как сел в машину и, сделав вид, что не заметил разочарования во взгляде водителя, бросил:

— Улица Сюэцзэ, жилой комплекс Тяньхуа.

Дом Цзян Чжоу находился совсем недалеко от университета. Из-за самых разных соображений, хотя за ним и числилось место в студенческом общежитии, по выходным или когда приходилось задерживаться на подработках до поздна, он всё же возвращался ночевать домой.

Сейчас стояла пора летних каникул, и некогда оживленный район изрядно опустел. Когда машина проезжала мимо большого супермаркета у входа в жилой комплекс, Е Цзинли велел остановиться.

Он еще ничего не ел за вечер. Толкните тележку, Е Цзинли прошел мимо отдела свежих продуктов, даже не повернув головы, и направился напрямик к снекам.

Он не был самым Цзян Чжоу, у него не было никакого желания стоять у плиты и готовить, да и следить за фигурой не требовалось — пачка чипсов или печенья будет в самый раз.

Однако, открыв дверь квартиры с тяжелым пакетом снеков в руке, он тут же об этом пожалел.

Ему едва хватало собранности, чтобы справиться с испугом от осознания того, что в дом проник чужак, — оставалось лишь шоковое удивление и досада на собственную беспечность.

Не колеблясь ни секунды, он увернулся от руки, метнувшейся к его плечу, хищно прищурился и, даже не разворачиваясь, со всей дури ударил назад ногой.

— Малыш, а ты полон сюрпризов!

В темноте мужчина уверенно перехватил эту опасную, летящую цель. Казалось, будто вовсе не у него от удара онемела ладонь, а в приглушенном голосе слышались дразнящие, бархатные нотки.

Но услышав это чуточку знакомое обращение во второй раз, Е Цзинли словно ткнули в самое болезненное место. В груди взорвалось слепое пламя ярости, плотно сжатые губы изогнулись в ухмылке. Эта опасная улыбка плохо вязалась с чистыми, утонченными чертами лица, но, сплетаясь воедино, они создавали невыразимый образ холодной, демонической притягательности.

— Не называй меня так. — Улыбаясь, Е Цзинли посмотрел в темноту на мужчину. Голос его звучал мягко, но в тонах отчетливо проступала ледяная жажда убийства.

В глазах Син Ебая мелькнуло еще большее изумление. Он изучил досье на Цзян Чжоу — его жизнь была чиста как белый лист бумаги. Изначально он пришел лишь за тем, чтобы проверить, не было ли случайностью то, что парень прихватил его паспорт. Но теперь...

Обычный студент колледжа, откуда у него такие опасные приемы и ледяная кровожадность?

Интересно...

Первоначальный план мгновенно был отброшен в его мыслях. Син Ебай резко пошел в атаку: его аура неуловимо переменялась, железное плечо заблокировало удар Е Цзинли, и он с хищной усмешкой намертво прижал парня к себе.

Легкий укол в заднюю часть шеи, похожий на укус иглы. Е Цзинли инстинктивно отдернул голову, но мужчина, чья аура вдруг стала невероятно мощной, словно заранее просчитал каждое его движение и с усмешкой ждал в нужной точке.

Их губы сошлись в жестком столкновении.

Холодная жидкость мгновенно влилась в тело, накатила волна головокружения. Длинные ресницы Е Цзинли затрепетали, а слова самой искренней злобы так и застряли между соприкоснувшимися губами.

В квартире воцарилась тишина. Воспользовавшись моментом, Син Ебай крепче прижал обмякшее тело к себе.

Это противоборство, полное смертоносной угрозы секунду назад, со стороны выглядело как страстная и нежная ласка влюбленных.

Четко очерченные губы слегка изогнулись, а глубокие глаза, казавшиеся темнее, чем у обычных людей, теперь казались еще мрачнее. Одной рукой придерживая за талию того, кто был в его объятиях, Син Ебай слегка повернул голову.

Головка Е Цзинли безвольно упала ему на плечо, и ровное дыхание касалось кожи на его шее.

Облизнув губы, Син Ебай с нежным выражением лица опустил голову, и чуть изогнутые губы почти коснулись кончика уха Е Цзинли:

— Спасибо, что сам упал в мои объятия...

Помолчав пару секунд, он с легкостью закинул парня на плечо, словно тот ничего не весил, включил свет и окинул взглядом на редкость чистую квартиру. Его взгляд в конце концов зацепился за пакет с покупками, небрежно брошенный на ковер.

Прозрачный пакет пестрил разноцветными пачками снеков — даже он, никогда не интересовавшийся подобным, узнал парочку разрекламированных марок.

Син Ебай приподнял бровь, развернулся и вышел за порог.

Спустя две секунды он снова внес Е Цзинли обратно на плечо и с бесстрастным лицом свободной рукой подобрал пакет с покупками, исчезнув в темноте.

Сознание постепенно возвращалось, но Е Цзинли продолжал лежать неподвижно, не выдавая себя ни единым вздохом, ни изменениями сердечного ритма.

В темноте остальные чувства обострились до предела, и Е Цзинли едва ли не в ту же секунду понял, что ему на глаза набросили повязку.

Широкая повязка отрезала обзор, и хотя он прекрасно знал, что даже если откроет глаза, никто этого не заметит, Е Цзинли все равно продолжал лежать с закрытыми глазами и без движения.

Любое движение век повлекло бы за собой сокращение лицевых мышц, а пока многие вопросы оставались без ответа, он предпочитал сохранять статус-кво — по крайней мере, не давать посторонним понять, что он очнулся.

В судьбе Цзян Чжоу подобных эпизодов не было, а значит, всё происходящее коренилось в его собственных действиях.

За эти полтора дня он контактировал в основном только с тремя людьми.

Се Юань, Чжоу Тянье, Син Ебай...

Главный виновник напрашивался сам собой.

Длинные ресницы Е Цзинли дрогнули под повязкой. Его до того казавшееся безжизненным тело вдруг ожило: сначала легкий трепет в кончиках пальцев, затем мышцы, напрягшиеся волнообразным ритмом, и наконец, словно что-то внезапно заметив, он чуть склонил голову набок, инстинктивно пытаясь нащупать рукой то, что закрывало лицо — но в тот же миг ощутил тяжесть оков на запястьях.

Облаченный в джинсы и белую рубашку юрист был привязан к кровати, его запястья стягивали тонкие цепи. Непроизвольное движение в попытке вырваться заставило одежду, до того сидевшую безупречно, сбиться; край рубашки слегка задрался, обнажая гладкую упругую полоску кожи на талии.

Е Цзинли смотрел в темноту из-под повязки, на дне его глаз не было и намека на панику — сплошное спокойствие. Однако напряженное тело, судорожные движения и сжатые в тонкую линию губы придавали ему вид человека испуганного и растерянного.

— Очнулся? — шаги раздалась от двери вглубь комнаты, и раздался голос, полный улыбки.

— Кто ты? — в погруженных во мрак глазах Е Цзинли промелькнуло понимание. Несмотря на мимолетность вчерашней встречи, голос Син Ебая обладал слишком яркой индивидуальностью. Вчера он не успел толком сообразить, как этот подлец вырубил его, но теперь, когда разум прояснился, а в голове уже зрели догадки, Е Цзинли едва ли не с первых слов узнал говорящего.

— Этот вопрос должен задавать я. — Син Ебай склонился над ним, уперевшись руками по обе стороны от плеч Е Цзинли, и его мощное крепкое тело почти навалилось сверху.

Тонкие губы приблизились к самому уху юноши, а голос стал еще ниже:

— Откуда тебе известно о планах Юэчэня?

— Юэчэнь? — Е Цзинли сперва озадаченно склонил голову, но ощутив жар чужого дыхания, резко отшатнулся в другую сторону: — Не трогай меня.

— Хватит притворяться, малыш. — Син Ебай с усмешкой последовал за ним. Горячее дыхание овевало незащищенную шею Е Цзинли, а взгляд опустился на едва заметные голубовато-фиолетовые вены под кожей, в которых тлел глубокий огонь: — Ты ведь испортил мне всё дело.

При мысли о том почти сорвавшемся плане, в душе Син Ебая странным образом не нашлось места ни сильному сожалению, ни ярости. Его целью было лишь заставить «Син Ебая» погибнуть на глазах у всех, а та сумасшедшая эффектная смерть — всего лишь прихоть подчиненных, желавших пустить пыль в глаза.

И всё же, что бы ни творилось на сердце, он изобразил пылающий праведным гневом вид.

Син Ебай впервые обнаружил у себя столь неумное любопытство. Он всматривался в таинственного юношу подохлой, его взгляд буквально прилип к тем плотно сжатым губам.

Вчерашняя короткая близость оставила глубокий след в его памяти. Если бы не спешка вывезти парня на остров, он бы, пожалуй...

Сердце защемило, словно его легонько царапнули перышком, вызывая зуд, который едва удавалось сдерживать. Огонь в глазах Син Ебая разгорелся еще сильнее, он подался вперед, явно намереваясь снова отведать тот сладостный вкус...

Через слои одежды отчетливо ощущался палящий жар мужского тела. Заметив, что тот приближается всё ближе и ближе, улавливая его дыхание, Е Цзинли под повязкой яростно прищурился и без малейших колебаний вскинул колено, целясь мужчине прямо в пах.

Глава двадцать шестая. Какая парочка: подонок и шлюха (часть четвертая)

Если бы Син Ебай не обладал молниеносной реакцией и отменной ловкостью, он бы точно лишился как минимум одного стратегически важного органа.

Покрывшись холодным потом, Син Ебай уставился на юношу, у которого были связаны руки, но чей боевой дух ни капли не угас, и едва не рассмеялся от злости:

— Ты такой дерзкий, неужели и вправду не боишься, что я брошу тебя в море?

Раскусив чужие пределы, Е Цзинли решил больше не таиться, он холодно улыбнулся уголками губ:

— Я же просил не трогать меня. Если не запомнил, могу освежить память.

Эти нагло изогнутые красные губы, ледяной, полный угроз тон... Син Ебай опустил взгляд на пышущего жизнью юношу на постели, чувствуя, как его сердце помимо воли заходится в сумасшедшем ритме, словно околдованное.

Тело, переполненное адреналином, резко подалось вперед, придавливая Е Цзинли и лишая его возможности двигаться. Син Ебай напряг каждую мышцу, опасаясь новых жестоких трюков от

этого дерзкого паренька, а в его глазах полыхал готовый вырваться наружу огонь.

— Малыш, излишняя дерзкость до добра не доводит, м?

Раскаленный донельзя поцелуй опустил на шею, источая мощный аромат мужских феромонов.

Взгляд Син Ебая упал на обнаженную шею Е Цзинли, который инстинктивно задрал подбородок, и внутри него вдруг всколыхнулся непреодолимый, неистовый порыв — оставить здесь метку, принадлежащую только ему. Он подался вперед и впился зубами в нежную кожу у основания шеи.

Жаркое дыхание обдало чувствительную кожу, мгновенно вспыхнула резкая боль. Боль в таком месте оказалась слишком острой, а удар — слишком неожиданным, из-за чего Е Цзинли против воли судорожно втянул воздух.

Укрощающее раздражение и злость от внезапной боли заставили Е Цзинли отчаянно захотеть сбросить с себя этого мужчину.

Но в тесном переплетении сбивчивого дыхания знакомый аромат, тонко щекотавший ноздри, заставил его тело замереть раньше, чем сработал разум.

Из-за этого секундного замешательства он упустил лучший момент для атаки. Син Ебай разжал зубы, с явным сожалением слизав кровь с пульсирующей кожи. Чувство давящего присутствия отступило вместе с резким движением поднявшегося мужчины, и знакомый запах тут же рассеялся.

— Ты что, пес?! — Е Цзинли яростно сдвинул брови.

Связанные глаза заставляли остальные чувства работать на пределе, и боль казалась почти невыносимой. Он даже чувствовал, как теплая струйка крови медленно вытекает из поврежденного места, прокладывая путь по напряженному изгибу шеи.

— ...

Син Ебай молчал, не отрывая взгляда от багрового следа от зубов, из которого сочилась кровь. В его глазах промелькнуло странное, сложное выражение.

Только что в сердце всколыхнулось непреодолимое желание пометить свою территорию, и он впился зубами, не задумываясь. Но рассудок еще теплился, поэтому силу он рассчитал и не собирался кусать до крови, но кто бы мог подумать...

Даже зашкаливающие феромоны и пробивающая небеса аура не могли отменить того факта, что укус вышел слишком жестоким. Син Ебай нахмурился еще сильнее, а внезапно нахлынувшее чувство вины и жалости прогнать было невозможно. Он принялся торопливо останавливать кровь, одновременно коря себя за то, что не рассчитал силу.

Кровь быстро перестала течь, но Син Ебай продолжал стоять на месте, не двигаясь.

Е Цзинли чувствовал, как пристально тот изучает его взглядом. От этого жгучего внимания рана пекла еще сильнее. Когда он уже был готов сорваться и перейти к активным действиям, палящий взгляд наконец исчез, и шаги мужчины постепенно затихли вдалеке.

Как только в комнате воцарилась тишина, Е Цзинли остался в прежней позе, не шевелясь.

Он опустил голову, и казалось, его взгляд способен пробить повязку и точно вонзиться в ту часть тела, которая только что едва не взбунтовалась отдельно от мозга.

Постояв так довольно долго, Е Цзинли шумно выдохнул, расслабляя напряженные мышцы и мысленно выругавшись:

Твою мать...

Его чуть не... от одного укуса?!

К счастью, Син Ебай сам был потрясен до глубины души и ничего не заметил, иначе узнай он об этом...

Лицо Е Цзинли сменило несколько выражений: с одной стороны он радовался собственной несгибаемой силе воли, с другой — мысленно проклинал собственную странную телесную реакцию.

Закрыв глаза, он со скрипом в зубах проигнорировал тот уголок тела, который настойчиво требовал продолжения банкета, и постарался переключить внимание.

Перед глазами мгновенно пронеслись недавние образы.

Слух, обоняние, осязание...

Мозг в доли секунды сопоставил все прочие ощущения, сплетая их в единую, пугающе яркую картинку.

Давящая тяжесть, пульсирующая боль, смутно знакомый запах...

Е Цзинли резко открыл глаза!

Его обоняние не могло подвести.

Неужели... бывают такие совпадения?

Два мира, два человека — и у обоих один и тот же запах?

Е Цзинли крепко сдвинул брови, а в глубине его глаз полыхало пламя, готовое снести всё на своем пути.

Шумные торопливые шаги прервали его размышления. Он чуть повернул голову в сторону двери.

Когда Сирс поспешно вошел в комнату, перед его взором предстал связанный юноша, который повернул к нему голову.

Мысленно издав восхищенное «вау», Сирс быстрым взглядом окинул фигуру пленника сверху донизу и, заметив уже остановленное кровотечение от укуса, мысленно присвистнул.

Кто бы мог подумал, что если этот праведник и парень без греха наконец сорвется, то вкус у него окажется столь извращенным!

Его оценивающий взгляд украдкой скользнул по лицу Е Цзинли: даже сквозь повязку Сирс мог оценить всю утонченность его черт. А с учетом такой чистой и прозрачной ауры, Сирс про себя засомневался: не несовершеннолетнего ли паренька умыкнул босс?

Но как бы ни бушевало воображение, руки Сирса работали четко и слаженно.

Он быстро и аккуратно обработал рану. Хотя на вид кровотечение выглядело страшным, сама царапина оказалась неглубокой. Однако в памяти еще звучал полный жгучей ярости голос босса, так что Сирс и не думал относиться к заданию спустя рукава: натянув нервы как струны, он предельно осторожно нанес самую дорогую и эффективную мазь.

<http://bllate.org/book/21656/2234779>